

П.И. Мельников-Печерский

Очерки Мордвы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П.И. Мельников-Печерский
П11 Очерки Мордвы / П.И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 92 с.

ISBN 978-5-458-03490-6

Этнограф-беллетрист Павел Иванович Мельников-Печерский, более известный как Андрей Печерский, принадлежит к плеяде выдающихся русских литераторов середины XIX века. Оригинальная творческая индивидуальность, острая наблюдательность, знание народного быта и фольклора, прекрасное владение народной речью выдвинули его в ряд значительных писателей в то время, когда в литературе блистали такие корифеи критического реализма, как А. Толстой, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Островский, И. Гончаров. Благодаря совершенно особому таланту, своеобразному мировосприятию он сумел отобразить в своих произведениях то, что ускользнуло от взглядов этих и многих других художников слова.

Творчество писателя настолько ярко и самобытно, что и сегодня волнует, заставляет задуматься, открывает читателю неведомые грани русской жизни позапрошлого века, показывает своеобразие характеров наших соотечественников.

ISBN 978-5-458-03490-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.И. Мельников-Печерский, 2021

Глава 1

Из всех народов так называемого чудского или финского племени, обитающих в России, ни одно так не обрусело в настоящее время (1867), как Мордва, особенно же та часть её, которая живет в Нижегородском уезде, и называется терюханами. Здесь Мордва уже совсем почти забыла свой язык, и лишь в некоторых немногих деревнях женщины сохраняют еще остатки мордовского наряда, но и то с каждым годом встречается все реже и реже. Многочисленное мордовское племя эрзя также наполовину обрусело.

Мордва, в древности жившая в нынешних губерниях Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Пензенской и в северной части Тамбовской губернии, теперь разбросана на огромном пространстве от Нижнего Новгорода до Каспийского моря и от рек Цны и Мокши до Бугуруслана. Но те из этого племени, что живут в губерниях Самарской, Астраханской и частью Саратовской, пришли на места нынешнего населения в XVII и даже в XVIII столетии. Так, из современных актов мы знаем, что бортники из племени терюхан (нижегородская Мордва), исстари бывшие людьми свободными, были раздаваемы монастырям и помещикам, а оставшиеся свободными, в конце XVII столетия, подарены имеретинскому царю Арчиле, выехавшему в Россию. Положение Мордвы ухудшилось, и она огромными толпами бежала вниз по Волге на дощаниках (небольшое волжское судно) с женами, детьми и имуществом. Примеру их последовали эрзяне, также розданные в XVII столетии и даже во времена Ивана Васильевича Грозного разным частным владельцам и монастырям, с целью обратить их в христианскую веру. Беглецы, вместе с другою "вольницей", укрывавшеюся от платежа податей, поселились на луговой стороне Волги, в нынешней Самарской губернии, на казенных землях, распахали ее, никогда не паханную дотеле, и жили как "бобыли и захребетники". Петр Великий, узнав о том, послал грозный указ самарскому воеводе, повелевая Мордву разыскать и выслать на старое жительство. Но, как ни строг был указ Петров, Мордва далеко не вся возвратилась. Как скоро переселенцы сведения об указе, бросились на юг. Там, на привольных берегах Иргиза, близ впадения его в Волгу, населили несколько деревень и доньне существующих; частью перешли на нагорную сторону Волги и поселились в нынешней Саратовской губернии, в уездах Хвалынском, Вольском, Саратовском и Балашовском, частью ушли еще далее, к самому почти Каспийскому морю. Верстах в тридцати

от берега этого моря, по правую сторону протоков Бузана, при Чуркинском проране, доселе существуют три мордовские поселка, построенные на владельческой земле.

Мордва разделяется на несколько племён. Главное из них эрзя или эрзяды, живущие в Арзамасском, Ардатовском, Лукояновском, Сергачском и Княгининском уездах Нижегородской губернии (в ней только две деревни Лукояновского уезда населены мокшанами); в губерниях Пензенской, Симбирской и Саратовской эрзяды живут смешанно с племенем мокша, а в Казанской губернии среди них, впрочем, особняком, живет мордовское племя каратаи. Небольшое племя терюхан, самое северное из мордовских, жившее прежде по берегам Волги и Оки, осталось теперь (1867) лишь в сорока селениях Нижегородского уезда, всего в количестве тринадцати тысяч душ обоего пола. Это племя было очень близко к эрзядам; теперь же оно почти совершенно обрусело. Некоторые считают терюхан эрзядами, но, судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем. Племя мокшан, численностью немного уступающее эрзядам, обитает в северной части Тамбовской губернии, в западной половине Пензенской, в двух селениях Нижегородской, а также в Симбирской и Саратовской губерниях, смешанно с эрзядами. Полагают, что племя мокшан в VIII или IX столетии было известно арабским писателям под именем «буртасов». Эти писатели говорят, что на правом берегу Волги северными соседями прикаспийских хозаров, в двадцати днях езды от столицы их Итиля (около Астрахани), жили буртасы, земля которых простиралась в длину на северо-запад также на двадцать дней езды и граничила с владениями болгарскими. По этому расчислению оказывается, что земля буртасов начиналась приблизительно от нынешних границ Саратовской губернии с Астраханскою и достигала к северу до нынешнего Симбирска, а на запад почти до Оки. Так как теперь в этих местах живут мордва-мокшане, то ориенталисты наши и признают в них потомков буртасов, тем более, что восточные писатели, упоминая о племени эрзя и даже о небольшом племени каратаев, совершенно умалчивают о многочисленном племени мордвы-мокшан. Мокшане разделяются на две группы: одни называются высокими мокшанами, другие простыми, и различаются между собой в языке. Наконец, четвертое мордовское племя каратаи, весьма незначительное по числу, обитает в Тетюшском уезде Казанской губернии, против Камского устья. В Самарской и Астраханской губерниях живут поселившиеся здесь, как сказано выше, в XVII и XVIII уже столетиях эрзяды и, кроме того, терюхане

(совершенно потерявшие здесь свои племенные особенности и слившиеся вполне с эрздядами).

В эпоху призвания Рюрика некоторые народы чудского племени были уже подвластны славянам и в первые же времена существования русского государства совсем обрусели. Таковы: Весь, жившая на Белоозере, среди которой, по сказанию Нестора, водворился один из братьев Рюрика, Меря, жившая на озерах Мерском (Галичском), Неро (Ростовском) и Клещине (Переславском), и Муром, жившая по Оке. В главные города последних двух племен, в Ростов и Муром, Рюрик, как видно из летописи, послал «мужей» своих и обладал землями их точно так же, как Новгородом и другими славянскими городами. Сыновья Владимира, свв. Борис и Глеб уже княжили в чудских городах, Ростове и Муроме. Затем названия Веси, Муромы и Мери боле не появляются на страницах русской летописи; ко времени нашествия монголов, конечно, все они уже совершенно обрусели, но мордва оставалась еще самобытною и независимою, ибо находилась вне славянского влияния. Только перед самым нашествием монголов летописи начинают упоминать о Мордве и рассказывать о столкновениях с нею русских князей; до тех же пор только один раз, именно под 1103 годом, об этом народе упоминает летописец: "бися Ярослав (сын Святослава Черниговского) с Мордвою, — говорит он: — месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярослав".

Во время войн Андрея Боголюбского с болгарами, Мордва, жившая тогда у устья Оки и далее по берегам Волги, без сомнения, подвергалась нападениям русских дружин. Так, под 1173 годом летописец говорит: "Посла князь Андрей сына Мстислава на болгары, а Муромский князь сына посла, а Рязанский князь сына посла, и бысть не люб путь теи всим людем сим, зане непогодье есть зиме воевати болгары, идучи не идяху. И бывшую же на Городьце князю и совокупися с братома своима, с Муромским и с Рязанским на устьи Оки, и ждаша дружине своей две недели и не дождавша, поехаша с передними с дружиною; и Борис Жидиславич воевода бе в то время я наряд весь держаше; и въехаша без вести в поганые и взяша сел б и семое город, муж изсекоша, а жены и дети поимаша. Слышавше же болгаре в мале дружине пришедше князя Мстислава, идуща с полоном, доспеша вборзе и поехаша по ним в 6000, за малом не постигоша их за 20 верст, князю Мстиславу на устьи с малом дружины, а всю дружину пустивше от себе; и взврати Бог поганые от него, а хрестьяны покры рукою своею". Из этого летописного рассказа трудно заключить, где и какие села и какой город разорил во-

евода, но ясно, что князь Мстислав Андреевич все время стоял на устье Оки, следовательно на земле мордовской. Трудно предположить однако, чтобы русский воевода зимой зашел так далеко: собственно к болгарам, в их землю, то есть в нынешнюю Казанскую губернию. Не воевал ли он Мордву, по-видимому, находившуюся тогда в подчинении у болгар?

В 1182 году великий князь Всеволод Юрьевич "заратися с Болгары" и достиг до их столицы, "Великого Города Серебряных Болгар", как называет его летописец. Набег Всеволода был удачен; с пешим войском воротился он во Владимир водой по Волге, по Оке и по Клязьме, а кони пусти на Мордву", то есть конницу отправил сухим путем через мордовскую землю, через нынешние Симбирскую и Нижегородскую губернии, "при чем, — говорит Татищев: — Всеволод разорил множество мордовских селений". В 1186 году Всеволод из Городца, с тамошними жителями, спустился в ладьях вниз по Волге, вторгнулся в Болгарию и воротился с добычей. Болгары и послушная им Мордва присмирели, а уособицы, возникшие по смерти Всеволода между его сыновьями, не позволяли русским князьям делать по-прежнему набеги на богатых болгар. В 1217 году сами болгары сделали нападение на Устюг и обманом завладели им, напали также на Унжу, но тамошние жители отбились. Как скоро уособица кончилась и во Владимире стал спокойно владеть Юрий Всеволодович, он решился свести счеты с болгарами за Устюг и за Унжу. В 1220 году собрались на устье Оки полки великого князя и брата его Ярослава Переславского, а полки из Ростова и Устюга пробрались в верховья Камы. Русские напали на болгар и на Волге и на Каме. Этот набег из всех русских набегов на болгар был самый удачный и самый прибыльный. Зимой из Болгарии приехали во Владимир послы просить мира, но Юрий не соглашался и весной сам выступил с войском в Городец, намереваясь принять личное участие в нападении на богатую страну. На дороге приходили к нему еще послы, он и тех не послушал. Наконец в Городце пришли третьи послы, принесли великому князю богатые дары, и Юрий согласился на мир. Но, на случай будущих предприятий против болгар, он занял важный в то время стратегический пункт на устье Оки, отправился туда из Городца и основал город, назвав его Новым Городом. Впоследствии, для отличия от Новгорода Ильменского, этот город стали называть Нижним Новгородом.

Это был первый шаг русских к обладанию Мордвой. Естественно, что он повлек за собой неприязненные столкновения. Взаимные набеги продолжались однако недолго; вскоре и Русь, и Мордву, и

болгар постигла одинаковая участь: меч монголов прошел по землям их.

Представив сухой перечень летописных сказаний о событиях, предшествовавших основанию первого русского города в земле мордовской, приведем как русские, так и мордовские предания. Вот первое сказание, русское. Оно живет доселе в памяти народной и найдено нами лет двадцать тому назад (1867) в одном рукописном сборнике XVII столетия. Во времена стародавние, где теперь стоит Нижний Новгород, жил знатный, сильный мордвин, по имени Скворец. Он был друг и товарищ другому, такому же знатному, такому же сильному мордвину — Соловью, тому самому, что связан был Ильёй Муромцем. Женился Скворец на восемнадцати женах, и родили они ему семьдесят сыновей. Все жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горе и по вечерам гоняли их на водопой на Оку-реку. Тут же в ущелье обитал чародей Дятел, тоже мордвин, тоже приятель Соловью. И спросил Скворец Дятла, о судьбе семидесяти сыновей своих. Отвечал Дятел: "Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, долго будут обладать здешними местами, а поспорятся — будут покорены русскими. И тогда здесь, на устье Оки, поставят русские город камень, крепко зело, и не одолеют его силы вражеские". И, сказав это пророчество, присил Скворца Дятел о честном ему погребении. Умер Дятел в глубокой старости, и похоронил его Скворец на горе, на устье Оки-реки, и прозвалось то место Дятловы горы. Затем помер и Скворец, завещав семидесяти сыновьям своим мир и согласи. Сыновья и внуки Скворца жили хорошо между собою, но потомки их размножились и стали враждовать друг с другом. И свершилось предсказание чародея Дятла: один святой князь, Андрей Боголюбский, согнал их с устья Оки, другой святой князь, Георгий, поставил на Дятловых горах Нижний Новгород. С некоторыми изменениями легенда эта сохранилась в устах народа. Но в устном предании мордовский патриарх столь многочисленного семейства, владевший устьем Оки, называется не Скворцом, а Соколом. Замечательно, что в Нижнем Новгороде, повыше Дятловой горы (вверх по течению Оки), подле так называемого Гребешка, гора, отделяемая от сего последнего оврагом, называется «Соколом». Замечательно и то, что у некрещеной Мордвы до сих пор сохраняется старинное их обыкновение давать новорожденным имена птиц, как, например: Торай (гусь), Тыр-пыр (дикий голубь) и тому подобные.

Другое русское предание о построении первого города в мордовской земле нам не случилось видеть в старописьменных книгах, и

даже не знаешь, записано ли оно было когда-нибудь. Вот оно: из-за Кудьмы-реки мордвин Абрамка пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом. Было у него четырнадцать сыновей и три дочери, и построил Абрамка семнадцать домов, там, указывает местный рассказ, где находится теперь архиерейский дом. Это мордовское селение называлось «Абрамовым», и Абрамка был «панком», то есть правителем соседней Мордвы (терюхан). Когда русские стали готовиться к первому походу на Мордву, Абрамка укрепил свой городок, обнес его тыном и валами; в нем было тогда до пятисот человек. В городке своим Абрамка устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми растворами, и завалил их землей; другие — Тайницкие, у Коровьего взвоза, на север, из которых ходили за водой на Волгу. Русские подошли к Абрамову городку в числе четырнадцати тысяч и стали переговариваться с Абрамкой: — "Уйди ты от устья Оки и давай князю нашему дань". — "Я не князь мордовский, а только выборный "панок", — отвечал Абрамка: — меня Мордва не послушает, а вот я соберу весь мордовский народ, поговорю с ним и уговорю всю Мордву покориться русскому князю; только дай мне сроку четыре года". — "Не дам тебе четыре года, — отвечал русский «мурза»: — а даю сроку четыре дня". Абрамка согласился, оповестил ближайшую Мордву, и в две ночи через Тайницкие ворота набралось в его городок пять тысяч Мордвы. На четвертый день условленного срока Абрамка велел раскопать засыпанные землей ворота, и ударила Мордва на русскую рать. Но русские одолели, завладели городком, сожгли его, разграбили, а жителей, которых побили, которых в полон взяли. Сам Абрамка был убит. Поставили русские свой городок не на том месте, где было Абрамово городище, а выше по течению Оки, на месте, которое приходится теперь супротив ярмарочного моста. Мордва, узнав о гибели панка Абрамки, и что город его в устье Оки занят русскими, заволновалась, и шесть тысяч мордовских ратников собрались отомстить за смерть своего «панка» и выгнать русских из земли своей. Русских было только тысяча человек. Узнав о приближении Мордвы, они вышли навстречу и бились с нею около деревни Новой, иначе Щербинка, пробились через мордовские полчища и через Березполье уехали во Владимир. Русские были на конях, а Мордва пешая, оттого она и не могла достичь бежавших русских. Узнав об этом, русский великий князь сам двинулся на Мордву и, завладев их прибрежными местами, основал Нижний Новгород.

От русских преданий обратимся к мордовским. У племени терю-

хан, как ближайшего к Нижнему Новгороду, сохраняется предание о первоначальном завладении русским князем Мурзою их землями. Терюхане, как мы уже сказали выше, почти совершенно забыли свой язык. Они и песни поют по-русски, и былины свои сказывают на русском языке. Одну из таких былин священник села Сивухи, Рождественское тож, записал в 1848 году и представил преосвященному нижегородскому Иакову, ревностно занимавшемуся собиранием народных сказаний во вверенной ему епархии. Покойный преосвященный передал нам часть собранных им посредством приходских священников, сказаний. Сказание о «мурзе», московском царе, увидавшем на Дятловых горах одетую в белые балахоны и молящуюся своему богу Мордву, и о том, как за дары этого русского «мурзы», посланные молельщикам, старики мордовские послали хлеб, соль и мед, но молодые ребята, съев все это, поднесли «мурзе» землю и песок, что он и принял за знак добровольного подчинения мордовской земли его власти, — все это сказание носит на себе несомненную печать древности. Приводим мордовскую былинку в том виде, в каком получили ее от покойного преосвященного Иакова:

На горах то было, на горах на Дятловых,
Мордва своему Богу молится,
К земле-матушке на восток поклоняется.
Едет мурза, московский царь по Воложке,
По Воложке на камешке.
Говорит мурза людям своим:
"Слуги вы мои верные,
"Слуги верные, неизменные,
"Поглядите-ка, посмотрите-ка
"Вы на те ли на горы на Дятловы,
"Что это за березник мотается,
"К земле-матушке преклоняется?
"Вы, слуги мои, пойдите,
"Слуги верные, доглядите,
"Что это за березник мотается,
"Мотается-шатается,
"К земле-матушке преклоняется?"
Слуги пошли, доглядели,
Видят слуги: на горах на Дятловых
Мордва в белых балахонах стоит,
Стоит, своему богу молится,
К земле-матушке на восток поклоняется.
Слуги воротились,

Низко мурзе поклонились,
Говорят мурзе, московскому царю:
"То не березник мотается,
"Мотается-шатается,
"К земле-матушке преклоняется, —
"То Мордва своему богу молится,
"К земле-матушке преклоняется".
Вопросил же их мурза, московский царь:
"Зачем же они кругом становятся,
"С чем же они молятся?"
Отвечают мурзе слуги верные:
"Стоят у них в кругу бадьи могучие,
"С суслom сладким бадьи могучие,
"В руках держат ковши заветные,
"Заветные ковши, больши-набольшие,
"Хлеб да соль на земле стоят,
"Каша да яичница на рычагах висят,
"Вода в чанах кипит,
"В ней говядину янбед варит".
И сказал слугам мурза, московский царь:
"Слуги вы мои, подите,
"Слуги верные, отнесите,
"Мордве на моляне скажите:
"Вот вам бочонок серебра, старики,
"Вот вам бочонок золота, молельщики,
"На мордовский молян так и ступайте,
"Старикам мордовским серебро, золото отдайте".
Верные слуги от мурзы пошли,
Мурзин дар старикам донесли;
Старики серебро, золото приняли,
Суслom сладким слуг напояли;
Слуги к мурзе приходят,
Весть мурзе приносят:
"Угостили нас, напоили суслom сладким,
"Накормили нас хлебом мягким".
Мордовские старики от мурзы деньги получили,
После моляна судили, рядили:
Что нам мурзе в дар дать,
Что московскому царю послать?
Меду, хлеба, соли взяли,
Блюда могучие поклали,